

Глава 61. Случайность на ежемесячном экзамене

В народе говорят: «Над могилой его предков поднялся зелёный дым», — так выражают зависть к чужому успеху.

Одно это показывает, какое огромное значение придаётся родовым захоронениям. Семья Чу, будучи беженцами, и без того не имела глубоких корней. Если бы после возвышения Чу Цы могилы предков остались в прежнем запущенном состоянии, это не соответствовало бы новому положению их рода.

Чем выше будет подниматься Чу Цы, тем больше глаз будет устремлено на него, и тогда ему нельзя будет позволить себе ни малейшей оплошности, ни одного неверного шага, который мог бы стать зацепкой для недоброжелателей. Как и сегодня: стоило юноше немного расслабиться, как тут же поползли кривотолки.

Если человек, добившийся успеха, не заботится о могилах предков, его непременно осудят и заклеймят как непочтительного сына.

Но сейчас самым важным был ритуал поминовения.

Чу Гуан, вооружившись серпом, срубил бурьян на могильном холме и вокруг него, отбросил сорняки в сторону, а затем взял мотыгу и прокопал по периметру дренажную канавку.

Чу Сяюань разложил стопку жёлтой ритуальной бумаги, прижимая её камнями по кругу могилы. Оставшиеся листы он, забравшись на вершину холма, положил сверху. Чу Цы с изумлением наблюдал за его действиями, не понимая их смысла.

— Сяо Эр, отойди, — Чу Гуан похлопал брата по плечу, затем набрал на мотыгу большую горсть земли и насыпал её на вершину холма, создав высокий гребень.

«Хм, наверное, это символизирует рост и процветание», — подумал Чу Цы.

Ему никогда прежде не доводилось участвовать в подобных ритуалах. В его прошлой жизни всё было проще: приносили на кладбище несколько букетов, кланялись, возлагали цветы и произносили пару слов.

Видя растерянность брата, Чу Гуан огляделся и нашёл для него занятие:

— Сяо Эр, разложи подношения.

— Хорошо, — кивнул Чу Цы. Он достал из корзины несколько блюд: вяленую рыбу, кусок мяса шириной в два пальца и несколько круглых лепёшек из чего-то похожего на муку, но

совершенно зелёного цвета.

«Должно быть, это и есть цинтуань», — догадался он.

Он почтительно расставил угощения перед могилой, затем достал маленький кувшинчик и налил в три чашечки вино. Чу Гуан зажёл благовония и свечи, раздал палочки им двоим, и все трое опустили на колени. Старший брат начал что-то бормотать о благословении, а после рассказал о событиях, произошедших в семье за прошедший год.

Закончив с первой могилой, они повторили те же действия у двух других.

Перед уходом Чу Цы неожиданно сказал:

— Я хочу ещё кое-что сказать отцу. Подождите меня под тем деревом.

Чу Гуан кивнул и увёл Сяо Юаня с собой. Юноша повернулся, сделал несколько шагов вперёд и с глухим стуком опустился на колени.

— Не знаю, встретили ли вы его, почтенный господин. Если вы и впрямь обладаете духом, то должны знать, что я не ваш сын, а лишь одинокая душа из иного мира. Ваш сын был выдающимся человеком, но небеса завидуют талантам, и болезнь унесла его молодую жизнь. Если он сейчас с вами, прошу, позаботьтесь о нём и утешьте его.

Помолчав, Чу Цы добавил:

— О делах мирских можете не беспокоиться. Пока я здесь, я буду защищать их всеми силами. Кроме того, я буду усердно учиться и продвигаться по службе, чтобы имя семьи Чу прославилось по всей Великой династии Вэй. Да, и ещё Сяо Юань. Я буду направлять его и следить за его успехами, чтобы в будущем он тоже стал опорой государства.

Произнеся это, Чу Цы трижды поклонился до земли. В этот миг подул лёгкий ветерок, и ему показалось, будто чья-то невидимая рука коснулась его головы. На душе вдруг стало легко, словно некий груз спал с плеч.

Когда они спускались с горы, солнце уже стояло высоко, и заметно потеплело. Проходя мимо одного из склонов, Чу Цы увидел вдали большое поле цветущих персиков. Возможно, из-за того, что гора была высокой, цветы ещё не опали и выглядели невероятно красиво.

На заднем дворе уездного училища тоже росло несколько персиковых деревьев, но они давно отцвели, и на ветках уже виднелись маленькие, размером с ноготь, плоды. Чжан Вэньхай, потирая руки, уже во всеуслышание заявил, что в этом году непременно доберётся до них.

Вернувшись домой, Чу Цы вынес на обсуждение вопрос о приведении в порядок родовых могил. Чу Гуан и остальные горячо его поддержали. Раньше они об этом не задумывались, но теперь поняли, что все три захоронения действительно нуждаются в уходе.

Для того чтобы начать земляные работы и потревожить предков, требовалось обратиться к геоманту за выбором благоприятной даты. Если не выбрать подходящий день, можно разгневать духов, и тогда это обернется бедой для потомков.

В прошлый раз они уже приглашали геоманта для постройки дома, и выбранный им день уже приближался. Скоро можно будет сносить старую хижину и начинать строительство. Пока же им предстояло переехать в пустующий дом соседей.

Живот Шэнь Сюнян становился всё больше, до рождения ребёнка оставалось около месяца. Дядя Чу сдержал слово: после праздника Цинмин он обещал отпустить тётушку Чу помогать по хозяйству.

С тех пор как Чу Цы устроил дядю на должность заведующего складом в уездной управе, положение тётушки в её семье заметно улучшилось. И свёкор со свекровью, и жёны братьев мужа стали разговаривать с ней куда мягче. Тётушка Чу, женщина кроткого нрава, и прежде не принимала близко к сердцу их редкие упрёки. Теперь же, когда они выказывали ей расположение, она не стала задирать нос, а вела себя как и раньше, чем заслужила ещё большее уважение. Родственники мужа в глубине души искренне зауважали её.

Поскольку на следующий день предстоял ежемесячный экзамен, после обеда им нужно было возвращаться в училище. Обедом послужили те самые цинтуани, которые они видели утром. Накануне их приготовили целый котёл, чтобы хватило на сегодня.

Эти холодные лепёшки, пахнущие полынью, с начинкой из диких трав, были вязкими и липли к зубам. Чу Цы они не слишком понравились; он подумал, что горячими они были бы вкуснее. Но в Праздник холодной пищи было принято есть холодную еду, и ни одна семья не разводила огонь в очаге. Даже самому императору в этот день приходилось есть холодное.

Экипаж семьи Коу всё это время ждал снаружи. Кучер, навестив своих родственников и пообедав, снова вернулся.

Чу Цы и Чу Сяюань сели в экипаж и отправились обратно в уездное училище.

Пятое число четвёртого месяца. Ежемесячный экзамен.

Чтобы максимально предотвратить списывание, ежемесячный экзамен проводился не в классных комнатах. Учеников классов Цзя, И и Бин перемешали и рассадили в большом зале

«Прежних мудрецов», где заранее в ряд расставили столы.

Позади Чу Цы сидел ученик из класса Цзя, а спереди — из класса И. Последний улыбнулся ему и больше не оборачивался. С тем, кто сидел сзади, юноша не был знаком; должно быть, это был кто-то из недавно переведённых.

Он, подобно переднему соседу, улыбнулся сидевшему позади и не собирался заводить разговор, но тот неожиданно восторженно заговорил:

— Брат Чу, меня зовут Сюй Цзянь из городка Чанхэ! Я давно наслышан о вас. Сидеть сегодня с вами на одном экзамене — воистину, удача трёх жизней!

«Неспроста он так любезничает, — подумал Чу Цы. — Либо мошенник, либо вор».

Внешность юноши ему не понравилась — острый подбородок и бегающие глазки придавали ему хитроватый вид.

«Уж не собирается ли он у меня списать?» — мелькнуло в голове у Чу Цы.

Он холодно обменялся с ним парой фраз и отвернулся.

Прозвучали три удара колокола, и преподаватели начали раздавать экзаменационные листы. На них было три задания: два по «Четверокнижию» и одно по «Пятикнижию». Поскольку каждый ученик специализировался на своём каноне, в последнем задании было пять тем на выбор. Нужно было лишь отметить свою и не обращать внимания на остальные.

Увидев первое задание, юноша внутренне похолодел. Это была та самая тема, которую они разбирали два вечера назад: «Если должным образом провожать умерших [родителей] и чтить память далёких предков, то нравы в народе будут улучшаться».

Он невольно огляделся и увидел, что все, кто был на том собрании, изумлённо переглядывались. Чжан Вэньхай, предложивший эту тему, не стал исключением. Он смотрел на задание с разинутым ртом, не веря своим глазам. Затем его лицо озарила бурная радость. Невероятно! Всего один раз пролистав сборник сочинений, он угадал тему экзамена!

Впрочем, если подумать, в этом не было ничего удивительного. Накануне был Цинмин — день поминовения предков, что напрямую перекликалось с идеей «почтительного отношения к ушедшим». Выбрать актуальную и своевременную тему было вполне логично.

Раз уж это задание было уже проработано, беспокоиться было не о чем. Он пропустил его и перешёл ко второму. Это была цитата из «Учения о середине»: «Благородный муж действует в соответствии со своим положением и не желает того, что вне его». Иными словами, благородный муж довольствуется своим местом и не стремится к тому, что ему не подходит.

Прочитав тему, Чу Цы на мгновение задумался. Идея в общих чертах была ясна. Он растёр тушь, развернул бумагу и вывел начальную фразу для раскрытия темы: «Пришёл — так обживайся». Раз уж взялся за дело, следует делать его с полной отдачей, что соответствовало смыслу изначального изречения.

Третьим заданием, по «Пятикнижию», он выбрал тему из «Вёсен и осеней»: «Нельзя из-за одной ошибки скрывать великую добродетель».

Эта тема была более свободной для толкования. Сюцай немного поразмыслил и написал: «Кто из людей безгрешен? Если же человек, совершив ошибку, исправляет её, то он достоин поощрения».

Наметив план для всех трёх тем, Чу Цы принялся писать черновики. Он полностью погрузился в работу. Мысли текли неиссякаемым потоком, кисть летела по бумаге. Не прошло и двух часов, как все три сочинения были готовы.

Тщательно всё проверив, он отложил кисть и с облегчением вздохнул.

В этот момент человек сзади снова начал что-то тихо бормотать. Не желая слушать, Чу Цы подвинулся вперёд, подальше от него. Тот не решался говорить громче, боясь привлечь внимание наставников, и в конце концов умолк.

Чу Цы взял экзаменационный лист и принялся аккуратно переписывать на него все три сочинения. Времени оставалось ещё достаточно, и он решил не тратить его зря, а поработать над другим заданием. Чтобы случайно не испачкать чистовик, он положил его на нижнюю полку стола и прикрыл чистым листом бумаги.

Достав другой лист, он начал размышлять над задачей, которую дал ему Сюй Чжэн.

Он писал, исправлял, зачёркивал, и тут внезапно раздался удар колокола, возвещавший об окончании времени. Сюцай Чу ещё не успел собраться, как сидевший сзади юноша уже нетерпеливо вскочил, кое-как сгрёб свои вещи и ринулся вперёд.

Непонятно почему, он вдруг споткнулся и, потеряв равновесие, всем телом начал заваливаться прямо на Чу Цы.

Тот рефлекторно отпрянул, избежав унизительной участи быть придавленным чужим телом, но вот лежавшие на столе бумаги постигла печальная участь. Юноша, падая, опёрся о стол и опрокинул тушечницу. Чёрная жидкость хлынула на поверхность и мгновенно залила листы.

— Брат Чу! Прости, прости! Я не нарочно! — Сюй Цзянь, казалось, и сам был в панике от произошедшего и принялся без умолку извиняться.

Преподаватель Сян, нахмурившись, подошёл к ним:

— Что здесь происходит?

— Господин преподаватель, это моя вина! — запричитал Сюй Цзянь. — Я вчера на Праздник холодной пищи съел что-то не то, и всё утро живот крутит. Еле дождался конца экзамена, хотел скорее сдать работу и отлучиться, но от слабости в ногах споткнулся у стола брата Чу, опрокинул тушечницу и испортил его экзаменационный лист... У-у-у... Прошу, накажите меня!

Вид взрослого парня, который заливался слезами с бледным лицом, вызывал сочувствие. Все решили, что это была случайность, и винить его не в чем. Преподаватель Сян повернулся к Чу Цы:

— Это было непреднамеренно. Что ты думаешь по этому поводу? Говори, что у тебя на сердце.

Если бы Чу Цы стал настаивать на наказании, его бы сочли мелочным и жестоким человеком, не способным простить больного. Но если проглотить обиду, то результаты экзамена пойдут насмарку, и на следующий месяц он снова останется в классе Бин.

Все взгляды были устремлены на юношу, ожидая его решения.

— Раз у этого брата так болит живот, пусть спешит. Это была случайность, я, разумеется, не держу на него зла.

Его великодушные слова заслужили одобрительный кивок преподавателя Сян. Сюй Цзянь, казалось, был ошеломлён. Он растерянно сдал свою работу и покинул зал.

— У тебя есть талант, одна случайность ничего для тебя не значит. В следующий раз постарайся лучше, — наставник с сожалением похлопал Чу Цы по плечу и утешительно произнёс.

Друзья Чу Цы из их общества с тревогой смотрели на него. Фан Цзиньян и Чжан Вэньхай сжимали кулаки. Неужели их брат, такой умный, проведёт ещё один месяц в классе Бин?

Но Чу Цы лишь слегка улыбнулся:

— Благодарю вас, господин преподаватель. Только вот испачканные листы — это не моя экзаменационная работа. Я видел, что времени ещё много, и решил поработать над другим заданием. А чтобы случайно не испачкать экзаменационный лист, я убрал его вниз.

Он наклонился и достал с нижней полки совершенно чистую работу, которую и передал преподавателю Сян.

Тот принял её. В глазах наставника мелькнул глубокий смысл. Он погладил бороду и произнёс:

— Неплохо.

Остальные были ошеломлены таким поворотом событий. Удивление, сочувствие, тревога и, наконец, облегчение — целая буря эмоций. Это было захватывающе.

Другие преподаватели на помосте кашлянули, и ученики, очнувшись, один за другим пошли сдавать свои листы. После случившегося все делали это с особой осторожностью, боясь, как бы кто-нибудь не испортил и их труды.

Выйдя из зала, Чжан Вэньхай, Фан Цзиньян и Чэнь Цзыфан пошли вместе с Чу Цы.

— Я чувствую, что в этот раз хорошо ответил, должен перейти в класс повыше, — сказал Чжан Вэньхай. — Я уж было забеспокоился, что ты не сможешь пойти со мной, но, к счастью, ты проявил смекалку, брат Чу. Этот малый, мало того что сам в беду попал, так ещё и тебя чуть не подставил. В следующий раз я непременно должен его проучить.

Фан Цзиньян хотел что-то сказать, но колебался. Наконец, он не выдержал:

— Брат Чу, возможно, после истории с Сяо Цуй я стал слишком подозрительным, но мне кажется, что в этом деле что-то нечисто.

Чэнь Цзыфан согласно кивнул:

— Я думаю так же, как и брат Цзиньян. Слишком уж это удачное совпадение.

Молодой человек поблагодарил их, а затем холодно усмехнулся:

— Я знаю, что это неслучайно. Когда он заговорил со мной, в его виде не было и намёка на боль в животе. Очевидно, кто-то очень не хочет, чтобы я покидал класс Бин.

<http://bllate.org/book/15354/1434860>